

МЕТАФИЗИКА КАПУСТНИКА

Вадим Жук пытается войти во второй раз в ту же воду

Число выходов артиста за 1999 - 1706,9 с.т.

Мария Полова

-НЕ ТАК давно на сцене Дома актёра москвичи видели новую программу вашего театра. Что побудило вас возобновить выступления «Четвертой стены»?

— Возникла внутренняя потребность, ощущение того, что это все-таки мое дело, как сказано у Блока: «Пора принимать за дело, старинное дело свое...». И потом я очень люблю актёров, с которыми работаю. У меня с ними сложные отношения, но, конечно, движет мною любовь к ним, к их одаренности, к их глупости, к их актерскому обаянию, и я ощущаю, как панаша, определенную ответственность за них. Я приучил их и должен делать им новые игрушки. Сатира устареет, не устареет юмор. Я не такой сильный юморист, может быть, как сатирик, но есть у меня лучшее получается мгновенный отклик на то, что происходит сегодня. И когда мне удастся сделать вещь, более или менее продолжительные во времени, меня это очень радует. Значит, мне удалось вступить в высокую область юмора. Это только разговоры о том, что сатира главное юмора. Сегодня большинство из того, что писал Салтыков-Щедрин, кроме философских вещей, конечно, не покажется смешными. Свист просто скучен, кроме первых двух частей «Гулливера», все остальное можно читать лишь с огромным количеством примечаний. А такого, казалось бы, несомненно, талантливого писателя, как Джером К. Джером, можно читать все время, потому что он юморист, живой человек, адаптирующийся к живому человеку, к его слабостям и прелестям.

— А почему вы возобновили несколько старых номеров? Взять их в новый спектакль?

— Например, «Седой погромщик» — это, по-моему, чрезвычайно актуально, к сожалению. Я все время, когда делал это представление, говорил, что, увы, этот номер опять актуален. Когда стелся, казалось, все это быстро кончится, наступит, как у Гайдара, счастливая и прекрасная жизнь. Но Гайдар-то был не отъятым, и долгая счастливая жизнь не очень-то и наступила, да и, собственно говоря, глупо было на это рассчитывать. Скоро только кошки родятся. А не новый общественный строй в таком сложном государстве. И эти старые номера, если они до сих пор вызывают реакцию, причем не только реакцию сожаления, но и смеховую, и сострадательную, то это меня радует. Значит, мне удалось сделать до известной степени, конечно, все-таки философскую сатиру.

— Как началась история «Вадим Жук и капуста»?

— Я капустниками занимаюсь с 1966 года. В институте я сделал первый капустник — «Птицы». Мне тогда было 19 лет. Я учился на третьем курсе театроведческого факультета. Был усложняющий хвост «оттепели», за который мы тогда уцепились. Там была пародия на советский праздничный лень, от начала до конца. Нехитрый прием. Все происходило как бы не у людей, а у птиц. Мы играли это на институтской сцене, потом — по всему городу и выступали за небольшие деньги, много ли нужно студенту театрального института, пятачку давали — счастливы были... Пока не наступили на Института Арктики и Антарктики. У меня были крупные неприятности, я был вынужден на заочный перевестись. В капуст-

Театр Вадима Жука — редкое явление по ощущению чистоты жанра, не свойственному ситуации общей сумятицы стилей и направлений в театре и в жизни. «Четвертая стена» — театр капустника.

Театр Вадима Жука — это феерия не для всех. Входным билетом овладеть всегда сложно, потому что творчество Жука рассчитано на камерное пространство и требует живой, непосредственной реакции, на нее и рассчитано. Но этого недостаточно. Чтобы понять и оценить по достоинству его действо, нужно обладать чувством юмора, любить, а главное, знать театр, из недра которого и рождается прекрасное и легкое искусство капустника, которым Вадим Жук владеет виртуозно.

Вадим Жук

никах заключался замечательный психологический феномен. Происходило это не оттого, что я и мои товарищи были очень смешными. Я воспитывался, помню дома раннего, в Коммуне юных фрунзеев, такая была прекрасная организация, детско-молодежная, где были очень честные люди, и нас учили честности, прямоте. Я верил в коммунистические идеалы, как положено, но я верил в настоящие идеалы, а то, что происходило, мне казалось временным... И считал, что если об этом прямо говорить, если над этим смеяться, то это должно пройти. И поэтому тут было не столько гражданская смелость — разорвать телянюку, сколько наивность юношеская, что тоже очень нормальное и живое качество. Потом я стал писать капустники в Доме актёра — лучше, хуже... А потом, после того как ехал в Сибирь актёром и преподавателем, я собрал группу людей, большинство из которых и составили театр «Четвертая стена». И уже в Новый год в Ленинградском Доме актёра не представляю, что мы не сделали капустник. Мы сначала стали структурой театрального музея, просто музей нам помогал организации, а потом, где-то году в 87-м, мы ушли в свободный полет. За эти годы мы десять раз выступали в Москве, у нас были гастролы в разных городах. Пожары и телевидение заинтересовались.

— Вы не боялись потеряться? Ведь в Петербурге всегда были замечательные капустники...

— Да, у нас всегда была хорошая культура капустника. Белинский Александр Аркадьевич, когда был помоложе, тоже собирал прекрасных авторов и исполнителей, у него были превосходные капустные номера... Так как мой капустник идет от автора, от литературы, у меня всегда больше «идейности», я постановщик практически никакой. Режиссура у нас идет совместная, может быть, я пишу, мываю 30–35 процентов, остальные — актёры.

— В одной статье ваш театр характеризовали как «чинушу блузу демократии», а к какой театральной традиции вы сами себя причисляете?

— К пародийной культурной традиции. Московская «капустная» традиция более казённая. А «Кривое зеркало» — это театр репертуарный, в котором иногда ставились откровенно капуст-

ные вещи. По крайней мере, ярчайшая театральная пародия проявлялась, конечно, в «Кривом зеркале». А в «Летучей мыши» — гротески, номера, шутки, иногда прелестные, но сатира там если была, то поверхностная.

— А как вы относитесь к тому, что сейчас ваш потенциальный зритель исчезает?

— Людей, чувствующих юмор такого свойства — я не буду говорить «настоящий юмор, тонкий юмор»; — всегда было немного, это нормально. Другое дело, что в годы «перестройки», когда мы очень много играли, публика до известной степени обманывала сама себя, думала, что ей все понятно, а считала только пенки. Это меня всегда и огорчало, я понимал, что, оставшаяся публика — это только театральная публика, для которой и предназначен капустник. Но, с другой стороны, хочется показать большему количеству народа, хочется убедить, в своей шутливой правоте. И так ищем аудиторию, выходим не на неё, а она, бывает, совсем немного смешного увидит и поймет. У меня было огромное представление (21 минуту шло, для меня это много), которое называлось «Человек с рублем» — пародия на Ленинскую, киношную и театральную. Я горжусь этой пародией. Я считаю, что она написана очень тонко и точно. И образ Ленина, который нам бесконечные годы диктовался, спародирован страшно смешно. Но публике было недостаточно того, что смеются над Лениным. И из эстетической пародии, которой я, собственно говоря, занимался, получалась политическая игра. Смеялись не в тех местах. Хотя пародия была на все эти песни, которые я, как прилежный театровед, великолепно знаю.

— Значит, именно капустник можно назвать делом нашей жизни? Если по большому счету...

— Можно. И я считаю, что жизнь не зря трату, потому что это театральный жанр, который имеет точно такое же право на существование, как комедия, трагедия, фарс, мюзикл и так далее.

— А что вы больше всего цените в капустнике?

— Мне хочется делать вещи более театральные. Иногда делая какой-нибудь номер, а много в нем потом пропадает, потому что люди не знают, откуда я скрыто прощипывал, на что намекал. А только про совсем

обширное, на мой взгляд, говорить скучно. Ведь этим занимается эстрада.

— А чем занимается Вадим Жук в свободное от выступлений театра время?

— Одно из моих любимых занятий — это шоумэнство, но я достаточно интеллигентный шоумэн. Да, много интересного, и «Золотой Остап», и фестиваль капустников «Веселая коза» в Нижнем Новгороде... Например, вот, люблю я писать стихи. Но придумано стихотворение — если сразу не записал, то уже не запишу. От лени. А импровизировать мне всегда доставляет огромное удовольствие. Сказано было базарным младшему. Кирсанову: «Не говори красиво». Говорит красиво — это одна из моих профессий, я люблю говорить вслух, мне это доставляет огромное удовольствие. Мне в данном случае совершенно все равно, что это услышат два человека, двести, две тысячи. Есть авторы, которые любят свою шутку, сказанную в жизни, немедленно заносит на бумагу, и потом она издается, издается, заносится в мемуары... Для меня это ужасно, потому что шутка — такая плетельная часть жизни и такая мимолетная, что если тебе Бог дал какое-то понимание юмора, то ты одновременно должен понимать и то, чем является юмор для человека, это просто спутник, идущий рядом. Говорение со сцены, с хорошей аудиторией, которая понимает, что ты говоришь, — это просто праздник. А аудитории пока достаточно, не дождётся...

Люди одарены разными чувствами, разумом, разной способностью к сопереживанию, разными причинами для похода в театр. Театр нарезан, как лирог на куски. И ужасно нелепыми кажутся мне критические стрелы по поводу «буржуазного театра»... А в какие времена было не так? В прошлом веке? Когда в Александрийском театре с 32-го, по-моему, по 67-й год прошло, около 800 выделений и 50 мемуаров. В советском театре сколько такого игралось... А Володина немного, Вампилова немного...

— Мне кажется, что такое поколение несколько замкнулось. И иногда оно занимается тем, что развлекать самое себя. К этому относятся все эти акции и перформансы, все эти галереи...

— Перформансы я не люблю как факт. Это в Москве только, у нас этого нет. Я не люблю возникшего не так давно и уже определившегося понятия «эстаб». Особенно, если стёб претендует на то, чтобы был предметом искусства, общественной жизни. Во-первых, высокий стёб требует замечательного, безупречного вкуса, что не всегда получается. Во-вторых, стёб — это очень легкое приближение к смешному. То есть человек думает, что он озянул, что делает что-то смешное, и это смешным и становится. Это далеко не так, должно быть еще какое-то наполнение. Помню названия акции и ее оформление должна быть суть, а так просто: «Сегодня я выставлю в Манеже 70 пар левых ботинок» — и выставил эти ботинки. Написал — «Ботинки Вознесенского», «Ботинки Ельцина», тут — «Ботинки Майи Плисецкой». Нашел деньги на то, чтобы выпить, чтобы выпить из туфельки Плисецкой, нужна отдельная тысяча долларов. Это очень бесхитростная забава, не требующая никакого вложения сердца. Говорю принципиальные вещи, потому что бессердечный юмор ужасен. Чем в принципе плоха юмористическая эстрада — там все без сердца.